

Новогодняя история

198

(из дневника девушки)

30 декабря. Утро.

Чудесный день! Настолько замечательный, что даже в дневник писать не о чем: обычно берусь за ручку, когда грустно. Просто для информации – завтра Новый год, мы с Сашей встречаем его у друзей. А сегодня он придёт ко мне ночевать: родители уехали, и мы отпразднуем вдвоём!

30 декабря. 18.00.

Всё готово – ужин на столе. Надела сиреневое платье, которое купила в прошлом месяце на распродаже. Волосы уложила по-новому – высоко, лоб открытый, серёжки видно. По-моему, так я выгляжу изящнее и загадочнее.

В дверь звонят – это он!

30 декабря. 18.10.

Ложная тревога: соседка заходила. Попишу пока, всё равно делать нечего. Где он, интересно? Почему так долго? Видно, в пробку попал. В центре сегодня просто караул. И мобильник забыл. Нервничает, наверное.

30 декабря. 20.30.

Я всё еще одна, и у меня почти истерика.

Сотовый отключён, дома у него телефона нет. Вряд ли с ним случилось что-то страшное – я бы почувствовала. Если не придёт до десяти, то уже и ждать нечего.

Значит, есть примерно полтора часа, которые можно прожить почти нормально: просто подождать, не думать о том, о чём буду думать всю ночь, если он не появится.

Такое чувство, что это последние полтора часа в моей жизни. А когда они закончатся, больше не останется ничего хорошего... Ненавижу этот противный холодок в желудке. Как же хочется послать всё к черту, жить на верхнем этаже небоскрёба, смотреть на всё сверху вниз. Или даже плевать.

30 декабря. 22.00.

Не пришёл, не придёт и ждать бесполезно. Не верю ни в пробки, ни в сломанные автобусы. Пешком можно дойти два раза и обратно вернуться.

Ладно, чего уж. На самом деле я никогда ему не верила на все сто. Может, что-то чувствую, а может, работает женская интуиция... хотя её у меня и нет.

Надо пережить эту ночь, но как? Не выдержу одна.

С другой стороны, лучше одной. Когда плачешь, свидетели не нужны. Слишком унижительно объяснять, что об тебя в очередной раз вытерли ноги.

Кто дал ему право меня изводить? Как долго человек может терпеть, пока его топчут? Лично я с успехом делаю это больше года.

Ничего себе, вечерок накануне праздника. Все радуются, готовятся, а я... Тоска такая, что её ощущаешь физически, как кокон, как покрывало. Будто придавило, даже дышать трудно.

Сашка, ты мне в душу плюнул. Не мог другое время выбрать – Новый год же... А с другой стороны, разве есть подходящее время, чтобы плевать в душу?

Может, на улицу сходить? Интересно, слёзы на морозе замерзают? Если – да, то и правда, слёзы – вода.

30 декабря. 23.30.

Помню, ночевала у Сашки месяц назад. («Мам, можно я сегодня у Лены останусь?») Проснулась ночью и поймала себя на мысли, что мне противно спать здесь, противно, что я очередная девушка, что занимаю место в длинном списке. Липкая музыка, дешёвое вино, запах сигарет, которые выкуриваются в кровати... И постельное белье – то же самое.

Но хуже всего, что я люблю, не представляю себя отдельно от него. Разве можно любить вот так – постоянно переступая через себя? Почему моё чувство постепенно превращается в кошмар, от которого хочется проснуться? Ради минутных радостей – вся эта тоска и боль?

31 декабря. 00.50.

Как я хочу встретить Новый год? Дома скажу, что с подругами, а подругам – что дома. А сама уйду бродить по городу. За чужими стёклами будут смех, радость, песни, шампанское, а я бреду себе и думаю, думаю... Может, тогда и придёт в мою глупую голову мысль, как жить дальше.

Пробовала сейчас читать – не понимаю смысла. Есть не могу, спать – тем более. Так тихо кругом! Весь дом спит, люди в тёплых постелях прижались друг к другу, как мыши. Греются теплом друг друга.

Хорошо ещё, привыкла вести дневник. Пишешь – и руки заняты, и голова. Этот блокнот скоро закончится. Уже второй за год. Что греха таить: частенько мне бывает так плохо, что требуется отвлекаться дурацким записыванием.

Зачем вообще нужна любовь? Кто её придумал? Страшная штука: ты вручаешь сердце чужому человеку, а он волен сделать с ним, что угодно.

31 декабря. 03.00.

Реву без остановки третий час. Эта отвратительная жалость к себе!.. А чего жалеть? Сама виновата: мало того, что завишу от него во всём, так ещё и не умею этого скрыть.

Постоянно вру себе и другим, как у меня всё замечательно. Подняла свою любовь над головой, как флаг, и всех родных поставила под знамёна – любуйтесь! Аплодируйте!

Самое пакостное: если случится чудо и всё наладится, глаза мои снова закроются. До следующего раза. И наступит день, когда Сашка меня так ударит, что эта ночка раем покажется.

1 января. После полудня.

Всё отлично, чудесно! Ночью всё-таки ходила к Сашке. Чего мне стоило поднять руку и позвонить в дверь!..

Он был дома. Один. Оказалось, болеет! Слава богу – болеет! Конечно, жалко, у него температура... Но каждый раз, когда он кашляет, я готова его расцеловать. Предупредить не мог: зарядка на телефоне села, а зарядник остался на работе. Хорошо ещё, додумалась сама прийти.

Новый год отмечали у Саши, и это была лучшая новогодняя ночь в моей жизни! Говорят, с кем год встретишь, с тем и проведёшь. Значит, это будет наш с ним год.

А то, что я тут понаписала... Глупости. Просто ночью всё всегда кажется страшнее.

Свет в окошке

Бегу по лужам, не разбирая дороги – ноги всё равно уже мокрые. Зонтик забыла, а садиться в автобус не хочу. Как представлю себе острые, жалящие взгляды...

Двадцать пять лет живу на свете и вижу в зеркале это лицо: нос слишком большой, глаза слишком маленькие, подбородок слишком тяжёлый и далее по списку. Всё слишком. Ни нормы, ни

гармонии, ни даже миловидности. А как хочется, чтобы кто-нибудь, пусть из вежливости, сказал, что я красивая!..

Но такого не будет: на пластическую операцию пока не заработала. И потом, слишком многое придётся оперировать, замучаются они со мной. Хотя, может, там тоже оптом дешевле?

Бог, если ты есть, скажи: почему у меня ничего нет?! У одних – всё, у других – что-то. А у меня сплошное ничего. Ни ума, ни внешности, ни образования, ни воспитания, ни характера.

Глаз положить не на что, как говорил папа. В школе – частокол троек. Даже по труду и музыке. Правда, я неплохо писала сочинения. Но поскольку не писала в них того, что требовалось, то получала всё равно тройки.

Я типичный представитель толпы. Общественность. Массовка. Меня невозможно запомнить! Увидел – забыл. Учителя и одноклассники на пятилетию окончания школы звали меня Наташей, Леной, Катей... А я, между прочим, Света.

Папа надеялся, что я буду красивая, как мама, и умная, как он. И образованная, как ни один из них. Вышло наоборот: внешностью я удалась в папу, а умом... Ладно, надо иметь уважение.

Поступать в институт не пробовала – этого от меня уже классу к пятому ждать перестали. И руки мои золотые не оттуда растут, так что швейное и кулинарное училища отпали сами собой.

Пошла в ларёк возле дома. И началось. Два через два. Два дня – жвачки, сникерсы, сухарики, чипсы. Главное, запомнить, где что лежит и сколько стоит. Другие два – диван, телефон, телевизор.

...Потом-то уж я поняла: не на меня одну он так смотрел – внимательно, настойчиво. Интересно ему было, что за неведомые зверушки сидят в ларьках, как в клетках? Или стоят за прилавками на рынках – торгуют южными парафиновыми фруктами и всякой белибердой.

Там, где он, не просто другой мир – параллельное измерение. Открываешь дверцу его машины – и попадаешь в

запредел, где всё иное: воздух, отношения, улыбки, юмор, сны, желания.

Сейчас мне уже кажется, что никогда я эту дверцу не открывала. Но на самом деле сегодня мне довелось попасть в инопланетную жизнь. Вместо: «Девушка, пачку жвачки, пожалуйста», я услышала: «Как вас зовут?» И, ясное дело, блеснула остроумием:

– Кого?

– Вас, конечно.

– Это вы мне?

– А разве кроме вас там есть ещё кто-то?

Да уж, моё рабочее место не намного больше собачьей будки.

– Нет, я одна. Света.

– Рад знакомству. Юрий. Скажите, Светлана, у вас есть планы на вечер?

Шутит? Издевается? Какие планы? Никого никогда не интересовало, как меня зовут, а уж чем я занята вечером – тем более.

– Нет. То есть планов нет.

– Тогда я заеду за вами, и мы сходим куда-нибудь поужинать. Хорошо?

Вот так и началось. Всё для меня этой жизни наконец-то началось!

Я собиралась на свидание и никак не могла понять, зачем ему понадобилась. Может, это просто пари, как в «Девчатах»? Мы же из разных стай. О его внешности можно стихи писать. Или я ему для контраста? Только такую красоту незачем оттенять.

Если бы всё происходило, как в сериале, я бы подарила ему волшебную ночь любви (ну, уж какую сумела бы, такую и подарила), но он не мог бы на мне жениться. Потому что у него богатая невеста. Я бы, само собой, забеременела и мужественно растила ребёнка одна, а попутно добилась успеха. Он встретил бы меня через пятнадцать лет и не мог себя простить, что бросил: у него-то жизнь не удалась.

Я была бы на седьмом небе, сложишь всё хоть в половину так! Пусть бы он соблазнил меня, пусть бы бросил, пусть с ребёнком. Я бы рыдала ночью от обиды и с полным правом всем говорила, что мужики – сволочи. У меня

была бы своя собственная история любви. Или нелюбви.

Но всё вышло так, как только и могло выйти.

Там, в ресторане, растерялась до слёз. Его все знают – на меня не смотрят. Точнее, смотрят, но не видят. Чувствуют: э т а тут не задержится. На лицах написано: «Зачем он её сюда притащил?!» Прямо так и написано, с восклицательным и вопросительным знаками.

– Что закажешь?

– Лучше ты сам.

Перечислить, что он набрал, не сумею. Было вкусно, но я ждала чего-то другого. Совсем особого. А так – мясо, овощи. Наверное, чтобы понять, насколько эти изыски изысканные, надо их каждый день есть и между собой сравнивать... Ой, при чём тут еда? К чему я так долго о ней рассуждаю? Вечно зациклюсь на мелочи и застряну, как трактор в грязи.

– Давно ты там работаешь?

– Да. Но не очень. То есть кому как.

– А тебе – как?

– По мне – слишком. Как после школы пошла, так и работаю.

Сменил тему. Видно, мои профессиональные успехи ему не больно-то интересны. Я его не осуждала, но мне стало стыдно за себя. И красное платье надела зря. Сижу, как пожарная машина. Красный идёт роковым женщинам. А меня замаскировывает. Да и фасон из моды вышел два года назад. А может, он в эту моду и не входил.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать пять.

– Хорошо.

Интересно, что в этом хорошего? Что мне к тридцатнику, а я сижу в этом ящике, как в гробу, а потом иду домой слушать мамини рассуждения о моей неудавшейся жизни?

Я выпила и меня понесло. Разулыбалась во всю ширь, порола всякую чушь, а он слушал. Смотрел на меня своим непонятным взглядом, а я млела – надо же, интересуется! А потом...

– Послушай, Светочка! – Ненавижу эту кличку. – Я социолог. Провожу исследование, пишу диссертацию. И моя тема...

Дальше плохо уловила. Но поняла, что моя биография – богатый материал. Я могу помочь описать психологию социальной группы. Наверное, у меня и подруги такие же есть? Если надо, он заплатит. Деньги же не помешают? Можно купить... – что там покупают такие, как я? Что им нужно от жизни? Колготки? Тени? Кружевной лифчик китайского производства?

Я сказала: «Конечно!» А потом подняла бокал и плеснула ему в лицо вином. Видела в кино, так одна актриса делала. Только там вино было белое, а тут как кровь. Течёт по лицу, капает на стол.

Вот такая неблагодарная: меня покупают за лифчик, а я вином плескаюсь. Кажется, это я вслух сказала, потому что он удивился:

– Какой ещё лифчик? Он тут с какого боку?

Вот и вся история.

Теперь бегу и думаю: что делать? Прыгнуть с моста? Перерезать вены в ванной? Уйти в монастырь? Впасть в депрессию? Запить и забыть?

Или поступить в институт и начать новую жизнь?..

Только это – для той самой героини сериала, у которой позор – часть роли, и всё будет отлично серий через сто, когда добрый дядя-сценарист даст ей любовь, мужа, детей и красоту.

А мне одно остаётся – завтра в киоск. Иначе кто продаст вам жвачку?

Белая Эльза

202

маленькие рассказы

Белая Эльза скользит мимо вас. Разве вы видели что-то более совершенное? Своею красотой попрала она серость и пустоту, мрак и страдание. Бог вдохнул в её существо всё, что мог, и счастливо улыбнулся, увидев дело рук своих.

Воздушный силуэт, лебединые руки-крылья. Пальчики, ногти, каждая венка под тонкой кожей – прекрасное творение Мастера. Волосы – волнуемое облако, в котором запутался солнечный луч. Походка – завораживающий танец, жесты – сама грация.

Меркнут сравнения с самыми прекрасными женскими образами, воспетыми в стихах и прозе. Дамы с известных портретов, что столетиями гордо взирали на восторженных читателей, признают своё убожество в сравнении с Белой Эльзой. Она так невыносимо хороша, что нет достойного её, а потому одинока...

– Мишка! Шевелись давай! – опять поторопил Серёга двенадцатилетнего племянника.

Он мечтал о прохладном душе. И о банке пива, которая томилась в холодильнике. Нет, всё же сначала пиво, потом – душ.

– Жарко – сил нет, – пожаловался Мишка. – А у нас в деревне дожди.

– Что ты нагрузил-то в эти сумки? Как будто не на каникулы приехал, а на вечное поселение.

– Это мама... Гостинцы насовала всякие: сало, мёд, с огорода там... Главное, чтоб ручки не порвались! – Худенький курносый Мишка отбросил со лба непослушную прядь.

Что у него за волосы! Мало того, что

рыжие, так ещё не причешешь толком. Подумал – и тут же забыл про них: Мишкины мысли скакали, как блохи. Мальчик поудобнее пристроил ремешок сумки на тощем плече и засеменял за дядей. Какое-то движение привлекло его внимание, он обернулся – да так и замер с открытым ртом.

– Это ещё что?

– Где?

– Да вот... идёт.

– А, эта. Не что, а кто, – наставительно заметил Серёга, – Лизка Маркова. Местная дурочка. Не бойся, она тихая. Ходит себе, бормочет. Мы с ней в одну школу ходили, пока она не съехала.

– Куда съехала? – удивился Мишка.

– Не куда, а с чего, балда. С катушек.

– Почему?

– Изнасиловали её... Компания какая-то пьяная... А вообще она всегда с придурью была. Издевались над ней: она же видишь – страшная, как крокодил.

– А почему в белой простыне?

– Она всегда так, – пожал плечами Серёга.

– Почему? – не отставал Мишка.

– Да откуда я знаю что в её дурной башке творится? – рассердился Серёга и сплюнул на асфальт. – «Почему, почему...» Пристал, как банный лист к заднице.

– Жалко её, – вздохнул мальчик.

– Себя пожалей, умник! – хохотнул Серёга. – Ей-то, может, как раз хорошо. Ни забот, ни проблем.

...Белая Эльза проходит мимо. Прохожие не привлекут её внимания: она выше толпы, её сияния не омрачит людская злоба или насмешка. Прочь, убогие, прочь с дороги...

